

Исследовательская статья

УДК 993.26

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-41-54>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА: ОТ КАТЕХИЗИСА ДО ПАТРИОТИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ПОКРОВСКОЙ ОБИТЕЛИ В Г. ПЕРМЬ)

Светлана Владимировна Рязанова

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия

svet-ryazanova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

Аннотация. Статья посвящена исследованию стратегий адаптации к изменяющимся социальным условиям, характерным для городских религиозных сообществ на примере одной из общин Прикамья — Покровской обители при православном приходе церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Сообщество верующих сложилось как православная институция под управлением активистов, впоследствии эволюционировав в закрытую группу с элементами мистики и эзотерики под руководством харизматического лидера-женщины. Логика произошедших изменений описана через анализ интервью с бывшими верующими, частной переписки и с привлечением элементов биографического метода, материалов закрытой группы в социальной сети, записей занятий, проводимых лидером обители, фотографий, сделанных насельниками обители и их единомышленниками. Покровская обитель предстаёт как успешно адаптирующееся сообщество, изменившееся в условиях начавшихся судебных процессов. В качестве защитной стратегии члены общины выбрали активное участие в патриотических проектах, подачу заявок на гранты, выдаваемые местной администрацией, активное обращение к русским традициям в культуре. Особый акцент был сделан на военном воспитании, что привело к созданию специального обучающего центра, получившего имя в честь бывшего сотрудника внешней разведки. Дополнительным способом легитимации общины в социальном пространстве стало участие во всероссийских патриотических акциях («Бессмертный полк»). Все организованные мероприятия заставляют говорить о специальной мимикрии группы под лояльное обществу объединение, поскольку их содержание противоречит идеям ухода от социальной жизни, транслируемым лидером во время внутренних семинаров в общине. Выбранная защитная стратегия Покровской обители позволяет говорить о том, что религиозные объединения, не аффилированные с официальными религиозными организациями, открыты для активного использования нерелигиозных способов закрепления своей позиции в социуме.

Ключевые слова: тотальный институт, городские сообщества, религиозная община, Покровская обитель, социальная адаптация

Для цитирования: Рязанова С. В. Трансформация православного прихода: от катехизиса до патриотизма (на примере Покровской обители в г. Пермь) // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 41–54. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-41-54>

Research article

TRANSFORMING AN ORTHODOX PARISH: FROM CATHECHESIS TO PATRIOTISM (THE CASE OF THE INTERSESSION COMMUNE IN PERM)

Svetlana V. Ryazanova

Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences, Perm, Russia
svet-ryazanova@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

Abstract. The article investigates the strategies of adapting to the changing social environment of city-based religious communities on the example of the case of the Intercession Commune (*Pokrovskaya obitel'*) in Perm. The community of believers led by activists developed as an Orthodox institution and subsequently evolved into a closed group with elements of mysticism and esotericism under the leadership of a charismatic female leader. The logic of the changes that have taken place is described through an analysis of interviews with former believers, private correspondence, and is performed using elements of the biographical method, materials from a closed group on a social network, records of classes conducted by the leader of the monastery, and photographs. The Intercession Commune as a community successfully evolves and adapts to the changing environment in response to the lawsuits filed against it. As a defensive strategy, community members chose active participation in patriotic projects, applying for grants issued by the local administration, and active appeal to Russian cultural traditions. Emphasis was placed on military education, which led to the creation of a special training center named after a former foreign intelligence officer. An additional way of legitimizing the community in the social space was participation in all-Russian patriotic actions (*Immortal Regiment*). All the above mentioned indicates a special mimicry of the group to appear as loyal to society, since it contradicts the ideas of withdrawal from social life, broadcast by the leader during internal seminars in the community. The chosen defensive strategy of the Intercession Commune allows us to say that religious associations that are not affiliated with official religious organizations are open to the active use of non-religious ways to assert themselves in society.

Keywords: total institutions, religious community, intercession commune, intercession commune in Perm, social adaptation

For citation: Ryazanova, S. V. (2022) 'Transforming an Orthodox Parish: from Catechesis to Patriotism (the Case of the Intercession Commune in Perm)', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 41–54. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-41-54>

Любой исследователь, обращающийся к изучению религии, вне зависимости от эпохи или региона, постепенно приходит к выводу, что некая единая каноничная форма верований существует только в воображении составителей учебников и словарей: «Когда фольклористы обсуждают «народную религию» или «религиозный фольклор» в контексте «религиозной группы», они подразумевают, что где-то существует «чистая» религия, которая определённым образом трансформируется и даже «портится», проецируясь на человеческие сообщества. Эта тенденция показывает, как фольклористы последовательно обесценивали «народную религию», приписывая ей неофициальный религиозный статус» [Панченко, 2004: 69]. Внимательный взгляд на объект научного интереса обнаруживает множество географически и исторически определённых феноменов: «под определением религии всегда спрятаны гетерогенные, исторически обусловленные элементы» [Asad, 2001: 124], — чьё содержание и формы корректируются ещё и волевыми интенциями лидеров общин и рядовых верующих. Именно мозаичностью религиозной картины мира объясняется сложность конструирования универсального определения религии, которое уступает место множеству терминов, иллюстрирующих её отдельные аспекты [Satlow, 2005: 287–298].

Отечественное православие, несмотря на стремление части иерархов его унифицировать, вписать в единую систему взаимоотношений и культовых практик [Панченко, 2004: 68], представляло и представляет собой не монолитное образование, а мозаичную совокупность течений и общин: «говоря о Церкви и каноне, мы апеллируем не к чему-то целостному и неизменному, но к нашим представлениям о целостности и неизменности. И эти представления, и соотносимые с ними концепты могут существенно варьироваться как исторически, так и синхронно» [Панченко, 2004: 72]. Значительная часть общин, идентифицирующих себя как православные, формально относится к Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ МП), есть сообщества, принад-

лежащие юрисдикциям других православных церквей и различным направлениям старообрядчества. Внутри самой РПЦ МП, наряду с т.н. мейнстримом под эгидой патриархии, существуют либерально-реформаторски ориентированные группы (например, последователи отца Георгия Кочеткова), тяготеющие к фундаментализму (организованный бывшим епископом Анадырским и Чукотским Диомидом (Дзюбаном) «Святейший правительствующий Синод Русской православной церкви»), диссидентствующие клирики вроде диакона Андрея Кураева или иеромонаха Валентина Соломахи, обладающие авторитетом настоятели монастырей (например, Сергей (Николай) Романов).

При этом я оставляю в стороне религиозные группы «Богородичного центра», рафаиловцев, РПЦЗ митрополита Агафангела (Пашковского), РИПЦ архиепископа Тихона (Пасечника) и т.п., как существующие изначально вне юрисдикции РПЦ МП, не признанные ею в качестве православных. И формально принадлежащие московской патриархии, и существующие за её пределами организации объединяет тот факт, что они возглавляются лицами, имеющими сан священнослужителя, либо претендующими на таковой.

Однако внутри православного сообщества с советского периода складываются группы, управление которыми по разным причинам берут на себя миряне. Результатом такой самостоятельной деятельности может быть как активизация верующих в регионе, так и возникновение течений, которые представители официальной РПЦ предпочитают называть сектами.

Если говорить о первых, то речь идёт об имеющих корни в советском дефиците священства группах, ставящих задачей организацию культовой практики в условиях отсутствия храма и/или духовенства. Домашние богослужения без участия клириков не остались в прошлом после распада Советского Союза: в разных регионах активно используются крестильные камни, действуют бабушки-крестилки, даже в официально зарегистрированных храмах мирянами самостоятельно организуются панихиды. Однако вся эта деятельность

не приводит к исключению таких групп из официального подчинения московской патриархии, поскольку такие варианты вернакулярного православия в целом типичны для всего периода существования страны.

Вторые, трактуемые духовенством и сочувствующими ему интеллектуалами как секты, представляют собой специфические городские и сельские группы разной направленности, которые могут выделяться специфической трактовкой канона, ярко выраженными новациями в культовой практике, специфическими социальными стратегиями (примером могут служить ставшие широко известными т.н. «пензенские сидельцы» [Мурашов, 2012: 15-17], симмониты¹). В большинстве случаев такие сообщества имеют сложные отношения с социальным окружением и, попав в фокус внимания СМИ, системы образования или местной администрации, постепенно становятся изгоями и для православной среды. Примечательно, что руководство митрополиями и епархиями реагирует на существование подобных групп одним из последних, видимо решая более насущные внутренние проблемы. Возможно, такая позиция по отношению к «сектантам» объясняется отсутствием у церкви рычагов, позволяющих эффективно воздействовать на мирян. Традиционные епитимии и анафемы малозначимы для верующих, ставящих под сомнение авторитет церковных институтов, поэтому документы, касающиеся различных мер наказания, касаются традиционно только духовенства².

Критика со стороны нерелигиозной части общества в сочетании с давлением со стороны церковных структур вынуждает такие общины либо идти на конфронтацию с обществом, либо использовать стратегию адаптации к новым условиям существования, выражающуюся в мими-

крии под социально приемлемые, и даже востребованные, объединения единомышленников.

Примером использования мимикрии для восстановления социального имиджа является существующая в г. Пермь Покровская обитель, изначально действующая при православном приходе Благовещения Пресвятой Богородицы. Эта группа формально существовала (до августа 2019 г.) в границах Пермской епархии, впоследствии митрополии, и официально окормлялась рукоположенными священниками. Община изначально функционировала как принадлежащая православной традиции, на что указывало её название и образ жизни насельников, а по способу их сосуществования претендовала на воспроизведение традиции христианских братств [Рязанова, 2021: 119–135; Рязанова, 2020: 86–100; Ryazanova, 2022]. В разное время через неё прошли не менее 200 человек, но на данный момент группа включает чуть больше пятидесяти жителей, из которых большинство являются совершеннолетними.

В настоящее время община является закрытым для наблюдения сообществом, что связано с жалобами её бывших членов и судебными процессами. Каналом для получения информации стали интервью с теми верующими, которые покинули обитель. В ходе исследования получилось связаться с одним из основателей общины через переписку. Через него же был получен доступ в закрытую группу социальной сети «ВКонтакте», использование материалов которой согласовывалось с модератором. Для верификации информации были использованы три группы источников. К первой относятся аудиозаписи семинаров, проводимых лидером группы для постоянцев коммуны и относящихся по времени к 2010–2011 гг. и 2015–2016 гг. Ссылка на них даётся по названию. Вторую группу

¹ Официальный сайт симмонитов. — URL: <http://pokrov220.narod.ru>

² К последним документам такого рода относятся «Положение о наказании церковных клириков», предложенное как проект в марте 2019 г., а также принятый в 2021 г. документ о канонических прещениях и дисциплинарных наказаниях священнослужителей. (Документ о канонических прещениях и дисциплинарных наказаниях священнослужителей одобрен Межсоборным присутствием Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского патриархата. — 2021. — 27 мая. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5814669.html>).

составили своеобразные рабочие тетради общины, включающие в себя тексты выступлений лидера, комментарии рядовых членов группы, публичные покаяния. Фактически они представляют собой вариант коллективного дневника, фотокопии которого также были сделаны одним из респондентов для коллективных занятий³. Информация для анализа деятельности, посвящённой патриотическим проектам, взята из материалов открытой группы сети «В контакте» (репортажи с проводимых мероприятий и событий, в которых участвовали члены общины, тексты, обосновывающие деятельность данной группы, фотографии), а также из данных включённых наблюдений и интервью, взятых автором.

Основным исследовательским вопросом предлагаемого текста является выявление эффективных стратегий социальной адаптации малых религиозных сообществ на примере одной из современных городских групп, обозримая история существования которой позволяет отследить логику эволюции такого сообщества. Это предполагает решение следующих задач: реконструкция доктринальных положений и культовой практики группы в их эволюции; выявление индикаторов, указывающих на изменение стратегии социального поведения сообщества; выделение наиболее значимых изменений, декларирующих изменение социального портрета сообщества.

Методологической основой статьи стали работы, анализирующие специфику современного религиозного пространства и процессов религиозной самоидентификации. Религиозное мировоззрение индивида как самостоятельно конструируемое трактуется по концепции К. Добеллара [Dobbelaere, 2004], совпадающей с результатами, полученными автором самостоятельно⁴. Этот подход дополняется эле-

ментами теории рационального выбора веры для населения современных городов Р. Кисалы [Kisala, 2004] и подхода Т. Асада в вопросе места религии в современном сознании [Asad, 2001: 124], с учётом идеи И. Боровик о стимулах ухода от институциональной религиозности [Borowik, 1997]. Понимание логики процесса приватизации религии и утраты ее феноменами собственно религиозного содержания сложилось на основе статей К. Митчелл [Mitchell, 2006] и Р.В. Стампа [Stump, 1986], а также работы П. Бейера [Beyer, 2006].

Для анализа текстов и видеоматериалов с позиции религиоведения была использована методика качественного анализа, предполагающего отбор в содержании необходимых данных, сопоставление релевантных элементов и совокупный анализ всего отобранного материала. С этой целью в тексте выделяются, а затем интерпретируются, высказывания, которые служат маркерами догматической и социальной позиции их авторов.

Для реализации возможности вписать изучаемое сообщество в процессы современной религиозной жизни были использованы статистические и аналитические работы исследователей современной отечественной религиозности — К. Каариайнена [Kääriäinen, 1999], С.А. Коначевой [Коначева, 2001], Н. Митрохина [Митрохин, 2009; 2004; 2003], Л. Титаренко [Titarenko, 2008], С.Б. Филатова и Р.Н. Лункина [Филатов, Лункин, 2005], Д. Фурмана [Старые церкви, новые..., 2000], В.Ф. Чесноковой [Чеснокова, 2005]. Разнородные феномены вернакулярного православия отражены в статьях Н. Митрохина и О. Сибирёвой [Митрохин, Сибирёва, 2007; Сибирёва, 2010].

Для понимания процессов, происходивших и происходящих внутри общины, большую роль играет личность её руководителя. С середины 1990 гг. Покровскую обитель в вероучительном отношении возглавляет

³ Основатель общины упоминает о том, что записи бесед и рассказов велись постоянно, без ограничений, что позволяет говорить об открытом характере данных файлов, отсутствии запрета на распространение за пределами общины.

⁴ Рызанова С.В. Диалог Запада и Востока и феномен неоориенталистских культов: Соц.-филос. анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. — Пермь, 1998. — С. 126.

Ольга Будилова, изначально православная активистка. По своему типу лидер общины представляет собой так называемого «нового интеллектуала» [Roy, 2001: 51; Митрофанова, 2008]. Она имеет за плечами полтора года биологического факультета в одном из вузов Петрозаводска и несколько лет работы в качестве тренера в рамках программы «Тренинг по решению исследовательских задач». Её собственное «богословское» образование сложилось путём чтения разношёрстной литературы — от Елены Блаватской до святоотеческих трудов (частная переписка с отцом Георгием Андриевским), что сказывается на содержании семинаров, которые она проводит для непосвящённых. Наличие у Будиловой элементов светского образования проявляется в любви как к самой форме семинаров — не проповедей или домашних кружков по изучению текста, а именно семинаров, — а также в активном использовании наглядных средств, схем и графиков.

Представляется правомерным отнести данное сообщество к группе феноменов религиозной жизни, которые стоит определить как альтернативное православие (Р. Силантьев и Ю. Рагозин предлагают термин «параправославные секты») [Силантьев, Рагозин, 2021]. К нему относятся и т.н. «исторические секты» — низовые движения, развивавшие собственное богословие [Панченко, 2004: 45–54]. Под альтернативностью в данном случае понимаются иные, нежели у официально зарегистрированных православных церквей, истолкование религиозной доктрины и осуществление культовой практики. Изменения в традиции понимания священных текстов в таких группах [Рязанова, 2019], влекут за собой трансформацию культа и переформатирование взаимоотношений внутри общины. Эмоциональным и организационным центром становится новый религиозный лидер, реализующий процесс экзегезы, установление связей общины с Богом и курирование поведения членов сообщества. При этом во внешнем социальном поведении сообщество может демонстрировать привычную религиозную самоидентификацию и соответствие наиболее востребованным трендам общественной жизни.

Эволюция Покровской обители от части православного прихода до эзотерической группы, подающей себя как сообщество с гражданской позицией, может быть разделена на несколько этапов. Изначально коммуна идентифицировала себя как часть РПЦ МП. Никому не пришло бы в голову оспаривать православный статус общины — исходя из названия обители, формальной принадлежности к православному приходу, использования канонической литературы, традиционных форм участия в религиозной жизни. Восприятие себя как православных прослеживается и в аудиозаписях семинаров, проводимых для членов обители за 2010–2011 гг. Вполне традиционные темы — смысл ежедневных молитв, молитвенное правило, исцеление разума, преодоление обиды, духовная жизнь в миру и т.п. В обсуждениях осуждается гордыня и пропагандируется смирение и любовь к ближнему. Верующих предупреждают об опасностях и роли искушения в их жизни. Жизнь сообщества явно соотнесена с основными событиями православной жизни и указаниями священников: сама Будилова объясняет свои решения авторитетом клира — «Что мне там батюшка скажет», — и активно ссылается на тексты отцов церкви. Обитель трактуется как открытое сообщество единомышленников, свободное во входе и выходе, где главным условием становится только желание научиться жизни в Боге. Обращают на себя внимание лишь незначительные шаги в сторону расширения полномочий человека: звучат утверждения о том, что надо помочь Богу проявить своё присутствие в мире и дать ему возможность действовать.

Принципиально иная картина возникает при прослушивании записей семинаров за 2014–2016 гг. Привычные христианские образы получают специфическую трактовку: «Мысль Божия представляет собой постоянно растущие оформленные кристаллы» («Кристалл развития искусства»); «Бог — это единица» («Кристалл развития искусства»); Небо — это муж, земля — это жена, и кристалл развития культуры показывает развитие этого брака («Кристалл развития искусства»); Бог мыслит

кристаллами («Кристалл развития искусства»). Неканоническую трактовку получает образ Троицы: «Бог устраивает весь мир по принципу триединства, потому что сам он является Троица, и этот принцип влагает в тварное бытие. Триединство всегда устроено очень просто — две противоположные категории и взаимосвязь между ними» («Кристалл развития искусства»). Наука и религия трактуются как совпадающие по сути явления («Кристалл развития искусства»). Бог описывается как «странная сущность», с которой можно спорить и договариваться («Тала, Светел и Ангелия»), лишенная статуса мироустроителя: «Изначально сказанное Богом слово не означает, что так будет стоять всегда» («Брак»).

Верующий воспринимается как наделённый вселенской миссией и призванный «уравновесить через себя и свой духовный труд мироздание», вступить в состояние взаимного ощущения с Богом («Кристалл развития искусства»). Ему предлагается самому творить священные книги, чтобы потом изменить реальный мир («Кристалл развития искусства»).

Активно осуществляется критика официальной церкви: «В церкви Бога можно уже не искать. Потому что он бесконечно живое существо. Зримая форма церкви была откровением на определённый срок... Церковь идет в ад первой. Апокалипсис начинается с этого... Церковь является тем местом, где слово Божие убивается» («Церковь»). Традиционная культовая практика объявляется неактуальной: «мы имеем церковь, которая венчает там какие-то браки, вот она не будет уже мочь опираться на закон... скажут, глядя на венчанный брак, что это блуд» («Обетование. Путешествие»). Очень примечательным в этом отношении является диалог между Будиловой и одним из священников общины по поводу нововведений в вероучении:

- «— Церковь это не примет.
- Ты думаешь?
- Официально не примет. Они будут гнать, как на ересь.
- Ты знаешь, батюшка, у нас нет задачи, чтобы церковь это официально приняла. И церковь — она такая, нейтральная, она ничего не делает, ничего не хочет и

ничего не может. Поэтому пусть живёт она так, как может... Тебе не церковь нужна официальная, а тебе нужен который в вечности тебя примет» (Брак).

Особое внимание уделяется обоснованию роли сложившегося женского лидерства в обители. Оно строится на исключительности Ольги Будиловой как человека и наличии у неё особой миссии: «в моём случае эти две задачи Господь считает решёнными... у меня существует-то там совершенно другая, получается, цель. Не такая, вот, как у людей. Цель другая, и я её объясню. Целью является собственно служение... выполнение на Земле той работы, которая необходима для Бога, т.е. служение Богу и людям» («Оля»). Это предназначение имеет исключительный характер «божественного орудия» для исправления мира: «чтобы... я связывала собою распавшиеся части бытия» («Оля»). Частью этой миссии становится рождение божественного младенца в новом браке: «Бог действует через это соединение меня с Димой... Он для этого дал мне очень сложное послушание, которое мне очень сложно было принять, это послушание рождения ребёнка» («Оля»). Претендующая на статус новой богоматери — «Серафим Саровский мне сказал: «Ты совершишь стояние Марии Богородицы»» («Точка воскресения»), — Ольга Будилова находит обоснование и для случившейся смерти ребёнка, утверждая, что через это событие в мир должна прийти сущность, которая соединит живое и неживое: «Ребёнок должен был родиться, чтобы всех примирить... а примирение возможно только через жертву» («Точка воскресения»). Примечательно, что детскую могилу располагают на территории общины, объявляя её святыней и центром мира («Точка воскресения»).

Лидер обители наделяет себя набором мистических качеств: она ежедневно совершает «подвиг восхождения вверх» («Календарь-Январь»), получает видения свыше — «Бог показывает мне картиночку» («Оля»), способна «любого научить слышать и видеть Бога» («Обетование. Путешествие»). В этот образ также добавляются элементы жертвоприношения — себя («Иногда мне кажется, что меня уже

скоро убьют за всё... давно пора» («Оля»)) и последователей: «мне казалось, что я вообще убиваю всё и всех, всех людей и сразу. Но через кровавый узел... он вводит в эту реальность земную свою благословения, а это мне делается известно только на следующий день после того, как я решилась подвергнуть уничтожению всех ребят» («Обетование. Путешествие»).

В этом процессе спасения мира подчёркивается сотериологическая исключительность общины, которая противопоставляется городу: «В городе холодно... душевный холод... люди там не живут... а если ходишь по территории обители — совсем другое» («Кристалл развития искусства»), и общество в целом: «Социум — это монстр, закладывающий формы искусственных взаимоотношений между людьми. Это форма самоубийства, которую создаёт человек, чтобы покончить со своими отношениями с Богом... в нём нет живого звучания души, а есть только роль... человек засыпает в ней как в растворе и умирает для Бога... Обитель — это не социальная структура... Из социума надо выйти, поскольку он не даёт соединения с Богом» («Алые паруса»). Община объявляется «живым проявлением Христа», куда попадают только особые люди: «Не каждому даётся благословение жить в обители» («Грань добра и зла»). Коммуна описывается как наполненная атмосферой праздника и благодати, привлекающей людей со всей страны: «Они всё едут и едут, и это всё бесконечно идёт», — которые приезжают за благословением Бога: «Каждая почему-то будущая семья считает для себя особым благословением венчаться только на территории обители... обитель стала восприниматься людьми как особого рода святое место, как бы какая-то святыня, где особая как бы честь или благодать... именно приобрести благословение» («Обетование. Путешествие»).

Значительные изменения претерпевает культовая практика, осуществляемая членами сообщества. Она получает не каноническое, а мистическое обоснование: «мы находимся в области, сфере очень сокровенного, личностного общения с Богом, где мы можем слышать его волю, видеть её, и можем что-то делать, совершать в этом направлении» («Испытания»). Новый вид деятельности определяется как «суточная работа» («Грань добра и зла»), закреплённая в распорядке дня и возложенная на избранных членов группы. Они получают статус «воинов света»: «Бог совершает таинство посвящения человека, а вот этот вот человек, он как бы подымается немножко над состоянием обычным человеческим. Он может совершать действительную борьбу со злом в результате того, что Бог по своему дару даёт ему этот феномен чистого видения, вот этой вот границы между добром и злом» («Грань добра и зла»). Для этого используются особые молитвы — «Бог дал, вот когда мы начинали только работать, очень короткую заклиательную молитву, она звучит так... “Я именем Господа нашего Иисуса Христа, наречённый воином света, заклинаю тебя уйти”. И они подчиняются им, вот эти духи тьмы этим людям подчиняются» («Грань добра и зла»), техники проникновения в сознание (Интервью с С. Хватковым), а также особые женская и мужская магия («Грань добра и зла»).

Все эти изменения оставались бы внутренним делом общины, если бы не ужесточение кадровой политики со стороны лидера, которое привело к оттоку верующих и началу публичной критики в отношении группы. Статус Покровской обители с середины 2019 г. из-за развёрнутых судебных процессов и кампании в ряде СМИ⁵ стал шатким. Руководство Пермской митрополии, столкнувшееся с поднятой шумихой, обратило, наконец, внимание на тот факт,

⁵ Асауленко О. Под покровом тьмы // Территория Пермь. — 2016. — 11 июля — С. 3; Асауленко О. Гражданский суд // Территория Пермь. — 2017. — 14 марта. — С. 3; Асауленко О. «По делам узнаете их...» // Территория Пермь. — 2019. — 22 июля. — С. 3; Православная обитель или секта: две истории пермяков, живших в «Покровской обители» // 59.RU. — 2019. — 20 сентября. — URL: <https://omvesti.ru/2019/09/27/pravoslavnyaya-obshchina-ili-sekta-dve-istorii-permyakov-zhivshix-v-pokrovskoj-obiteli/>.

что транслируемая О. Будиловой трактовка библейского учения и связанные с ней формы культовой деятельности [Рязанова, 2021; 2020] не могут быть идентифицированы как православные. Начавшееся в руководстве митрополией внутреннее разбирательство привело к выведению за штат двух клириков с формальной причиной «необходимость прохождения лечения» и фактическим отрывом Покровской обители от прихода церкви Покрова пресвятой Богородицы.

Стоит отметить, что меры репрессивного характера со стороны руководства митрополии к этому времени уже не могли принципиально изменить состояние дел в обители. Один из выведенных за штат священников действительно имеет серьезные проблемы со здоровьем и не заинтересован в продолжении служения в храме. В финансовом отношении обитель давно перестала зависеть от приходских пожертвований. Отсутствие у Будиловой официального церковного статуса не оставило высшему клиру никаких возможностей для воздействия на неё лично, впрочем, как и на других насельников. Высокий авторитет лидера в группе и почти автаркичное существование обители позволили сохранить личный состав и группу актива и продолжить функционирование в качестве сообщества.

Вместе с тем, судебные иски с обвинением в мошенничестве и причинении вреда здоровью несовершеннолетних создали для общины необходимость обороняться от внешней критики, что повлекло за собой изменение способа подачи себя в пространстве города — причём не столько в религиозном, сколько в социальном аспекте. Первым этапом стала организация репортажей СМИ, которые подавали бы общину и её руководительницу в правильном ключе. Поскольку для обители совпали во времени её фактическое выведение

за пределы Пермской митрополии, проведение судебных разбирательств и начало пандемии коронавируса, основной акцент был сделан на «правильном» образе группы в сети Интернет.

В качестве визитной карточки группы, которая фактически отказалась от использования религиозной повестки вовне, была выбрана школа воспитания патриотизма через обучение верховой езде. Выбор во многом был обусловлен давним интересом Ольги Будиловой к лошадям, а также хорошо обкатанной программой иппотерапии для детей-инвалидов и обучения катанию на лошадях для всех желающих. Поскольку для отечественного патриотизма характерно его совмещение с военным искусством, в обители был создан и активно развивается Учебно-практический центр Русского Боевого Искусства им. генерал-майора Ю.И. Дроздова. Структура, посвящённая сотруднику внешней разведки, декларирует «возрождение и сохранение воинских и боевых традиций русского народа, защиту государства и служение Отечеству, патриотическое воспитание, формирование в сознании людей таких категорий, как служение Отечеству и любовь к Родине»⁶. В самой идее центра отчётливо видны и попытки укрепить статус общины через обращение к народной традиции и, одновременно, акцент на востребованной в обществе идее патриотического воспитания. Хотя спектр предлагаемых общиной занятий очень широк — конно-спортивная джигитовка, русское боевое искусство, реконструкция оружия, организация поисковых отрядов, создание музейных экспозиций, организация спортивных и развлекательных мероприятий, интерактивные экскурсии, работа в кузнечной, столярной, ткацкой и шорной мастерской, верховая езда, русские народные танцы и песни, подвижные игры⁷, — несомненен упор на военно-спортивное воспитание.

⁶ Шаповалов Д.С. Синтез различных направлений патриотического воспитания для формирования целостной личности человека: из опыта работы АНО УПЦ РБИ им. генерал-майора Ю.И. Дроздова // VK сообщество УПЦ РБИ. — 2021. — 2 дек. — URL: https://vk.com/wall-189259729_154

⁷ Там же.

Во время публичных мероприятий обучающиеся демонстрируют джигитовку, метание ножей, знакомство с оружием Гражданской и Великой Отечественной войн. Акцент на военном элементе усиливается за счёт участия в праздниках и представлениях взрослых членов группы, реконструирующих внешний вид и образ отечественных военных. Исключением из военизированных практик стал цикл семинаров, посвящённых «Принципам биометрических процессов в восстановлении телесной и личностной целостности человека», в отличие от патриотических проектов не получивший отклика за пределами общины, несмотря на сетевую рекламу.

Формирование благоприятного имиджа и внешнее финансирование сообщества осуществляется путём участия в светских патриотических мероприятиях и конкурсах. Все организованные представления обязательно сопровождаются использованием особого звукового ряда, костюмов и символики, как правило, отсылающих к советскому прошлому страны. На странице центра «В контакте» обязательно отмечаются дни рождения великих российских полководцев и значимые события внешней политики. Члены группы участвуют во встречах с ветеранами и спортивных соревнованиях.

Обитель в лице членов центра активно использует общероссийские мероприятия для позиционирования себя как социально лояльной группы. Примером является проведение собственного сегмента акции «Бессмертный полк» — с транспарантами, аналогичными используемым повсеместно в стране, и небольшим маршем рядом с обителью. Думается, обособленное проведение шествия было вызвано исключительно условиями пандемии (судя по тому, насколько организаторы центра активно участвуют в публичных мероприятиях),

поэтому сам факт акции говорит о стремлении существовать внутри социального мейнстрима. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что представители обители обязательно размещают фотоотчёты с мероприятий в группе центра «ВКонтакте», напоминая о лояльности сообщества по отношению к государству и предлагаемым им инициативам. Активность такого рода особенно показательна для наблюдателя, поскольку она противоречит содержанию внутренних семинаров, на которых лидер призывает последователей к максимальному дистанцированию от общества [Рязанова, 2021; Ryazanova, 2022].

Выбранная стратегия существования в новых условиях, без прикрытия со стороны руководства митрополии, при отсутствии официально служащих священников, оказалась на данный момент достаточно эффективной. Вместо религиозных отщепенцев, не соответствующих учению и практике Русской православной церкви, в общественном пространстве Прикамья появилась светская организация, в своей деятельности совпадающая с актуальными потребностями общества, готовая сотрудничать с государством по наиболее важным вопросам в сфере воспитания и образования. Религиозная составляющая здесь помещена в частное пространство насельников обители, спрятана за спиной центра, пропагандирующего джигитовку и боевые искусства. Удачная мимикрия группы показала, что религия — не единственная карта, которую можно использовать для эффективной легитимации сообщества, она успешно дополняется и даже замещается светскими видами деятельности. Это даёт возможность говорить о перспективах малых городских религиозных сообществ и наличии у них потенциала для существования в дальнейшей исторической перспективе.

Список литературы:

Коначева С.А. Религиозная ситуация в постсоветской России: особенности процесса секуляризации // Трансформация идентификационных структур в современной России. — Москва: Московский общественный научный фонд, 2001. — С. 82–105.

Митрофанова А.В. Национализм и паранаука // Русский национализм: социальный и культурный контекст. — Москва: НЛО, 2008. — С. 87–104.

Митрохин Н. Русская православная церковь — итоги десятилетия // Неприкосновенный запас. — 2003. — № 6. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2003/6/russkaya-pravoslavnaya-cerkov-itogi-desyatiletiya.html>

Митрохин Н. Русская православная церковь в России в 2000–2008 годах: очерк некоторых структурных проблем // Неприкосновенный запас. — 2009. — № 1. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/1/russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-rossii-v-2000-2008-godah-ocherk-nekotoryh-strukturnyh-problem.html>

Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. — Москва: НЛО, 2004. — 656 с.

Митрохин Н. Сибирева О. «Не бойся, малое стадо!». Об оценке численности православных верующих на материале полевых исследований в Рязанской области // Неприкосновенный запас. — 2007. — № 1. — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/ne-bojsya-maloe-stado-ob-ocenke-chislennosti-pravoslavnyh-veruyushhih-na-materiale-polevyh-issledovanij-v-ryazanskoj-oblasti.html>

Мурашов Д. В ожидании «конца света» // Родина. — 2012. — № 12. — С. 15–17.

Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. — Москва: ОГИ, 2004. — 541 с.

Рязанова С.В. "Народное богословие" в церкви "семья Божия": сюжеты, образы, мифы // Технолос. — 2019. — № 1. — С. 85–100. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.07>

Рязанова С.В. Закрытое религиозное сообщество: стратегия складывания и принципы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. — 2020. — Т. 8, № 2. — С. 86–100. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7306>

Рязанова С.В. Закрытые сообщества как феномен современной религиозной жизни // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2021. — № 96. — С. 119–135. <https://doi.org/10.15382/sturl202196.119-135>

Сибирева О. Православная религиозность в позднем СССР. Пример Шацкого района Рязанской области // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 5. — URL: <http://intelros.ru/readroom/nz/nz-73-5-2010/7680-pravoslavnaya-religioznost-v-pozdnem-sssr-primer-shackogo-rajona-ryazanskoj-oblasti.html>

Силантьев Р., Рагозин Ю. Паранеправославные секты в современной России. — Москва: Снежный ком, 2021. — 432 с.

Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каариайнена и Д. Фурмана. — Москва; Санкт-Петербург: Летний сад, 2000. — 247 с.

Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. — 2005. — № 6. — С. 35–45.

Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. — Москва: Академический Проект, 2005. — 297 с.

Asad T. The Construction of Religion as an Anthropological Category // A Reader in the Anthropology of Religion. — Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2001. — P. 110–126.

Beyer P. Religions in Global Society. — London: Routledge, 2006. — 336 p. <https://doi.org/10.4324/9780203087879>

Borowik I. Institutional and private religion in Poland // New religious phenomena in Central and Eastern Europe. — Kraków: Nomos Publ., 1997. — P. 235–255.

Dobbelaere K. Assessing Secularization Theory // New Approaches to the Study of Religion. Vol. 2. Textual, Comparative, Sociological, and Cognitive Approaches. — Berlin, New York: De Gruyter, 2004. — P. 229–254. <https://doi.org/10.1515/9783110211719.3.229>

- Kääriäinen K. Religiousness in Russia after the Collapse of Communism // *Social Compass*. — 1999. — Vol. 46, № 1. — P. 35–46. <https://doi.org/10.1177/003776899046001004>
- Kisala R. Urbanization and Religion // *New Approaches to the Study of Religion*. Vol. 2. Textual, Comparative, Sociological, and Cognitive Approaches. — Berlin, New York: De Gruyter, 2004. — P. 255–274. <https://doi.org/10.1515/9783110211719.3.255>
- Mitchell C. The Religious Content of Ethnic Identities // *Sociology*. — 2006. — Vol. 40, № 6. — P. 1135–1152. <https://doi.org/10.1177/0038038506069854>
- Roy O. The Failure of Political Islam. — Cambridge: Harvard University Press, 2001. — 238 p.
- Ryazanova S.V. Talking to God: Religion, Para-Science and Disciplinary Practices as Consolidation Tools // *Changing Societies & Personalities*. — 2022. — Vol. 6, № 1. — P. 182–196. <https://doi.org/10.15826/csp.2022.6.1.169>
- Satlow M.L. Disappearing categories: Using categories in the study of religion // *Method and Theory in the Study of Religion*. — 2005. — Vol. 17, № 4. — P. 287–298. <https://doi.org/10.1163/157006805774550947>
- Stump R.W. Regional Variations in the Determinants of Religious Participation // *Review of Religious Research*. — 1986. — Vol. 27, № 3. — P. 208–225. <https://doi.org/10.2307/3511417>
- Titarenko L. On the Shifting Nature of Religion during the Ongoing Post-Communist Transformation in Russia, Belarus and Ukraine // *Social Compass*. — 2008. — Vol. 55, № 2. — P. 237–254. <https://doi.org/10.1177/0037768607089743>

References:

- Asad, T. (2001) 'The Construction of Religion as an Anthropological Category', in *A Reader in the Anthropology of Religion*. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, pp. 110–126.
- Beyer, P. (2006) *Religions in Global Society*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203087879>
- Borowik, I. (1997) 'Institutional and private religion in Poland', in *New religious phenomena in Central and Eastern Europe*. Kraków: Nomos Publ., pp. 235–255.
- Chesnokova, V. F. (2005) *Tesnym putem: protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka* [In a close way: the process of churching the population of Russia at the end of the 20th century]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian).
- Dobbelaere, K. (2004) 'Assessing Secularization Theory', in *New Approaches to the Study of Religion*. Vol. 2. Textual, Comparative, Sociological, and Cognitive Approaches. Berlin, New York: De Gruyter, pp. 229–254. <https://doi.org/10.1515/9783110211719.3.229>
- Filatov, S. B. and Lunkin, R. N. (2005) 'Statistika rossiyskoy religioznosti: magiya tsifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality]', *Sociologičeskie issledovaniâ*, (6), pp. 35–45. (In Russian).
- Kääriäinen, K. (1999) 'Religiousness in Russia after the Collapse of Communism', *Social Compass*, 46(1), pp. 35–46. <https://doi.org/10.1177/003776899046001004>
- Kääriäinen, K. and Furman, D. (eds) (2000) *Staryye tserkvi, novyye veruyushchiye: Religiya v masovom soznanii postsovetskoy Rossii* [Old Churches, New Believers: Religion in the Mass Consciousness of Post-Soviet Russia]. Moscow ; Saint Petersburg: Letniy sad Publ. (In Russian).
- Kisala, R. (2004) 'Urbanization and Religion', in *New Approaches to the Study of Religion*. Vol. 2. Textual, Comparative, Sociological, and Cognitive Approaches. Berlin, New York: De Gruyter, pp. 255–274. <https://doi.org/10.1515/9783110211719.3.255>
- Konacheva, S. A. (2001) 'Religioznaya situatsiya v postsovetskoy Rossii: osobennosti protsessa sekulyarizatsii [Religious Situation in Post-Soviet Russia: Peculiarities of the Secularization Process]', in *Transformatsiya identifikatsionnykh struktur v sovremennoy Rossii* [Transformation of Identification Structures in Modern Russia]. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond Publ., pp. 82–105. (In Russian).
- Mitchell, C. (2006) 'The Religious Content of Ethnic Identities', *Sociology*, 40(6), pp. 1135–1152. <https://doi.org/10.1177/0038038506069854>
- Mitrofanova, A. V. (2008) 'Natsionalizm i paranauka [Nationalism and parascience]', in *Russkiy natsionalizm: sotsial'nyy i kul'turnyy kontekst* [Russian nationalism: social and cultural context]. Moscow: NLO Publ., pp. 87–104. (In Russian).

- Mitrokhin, N. (2003) 'Russkaya pravoslavnaya tserkov' — itogi desyatiletiya [Russian Orthodox Church — the results of the decade]', *Neprikosnovennyi zapas*, (6). (In Russian). <https://magazines.gorky.media/nz/2003/6/russkaya-pravoslavnaya-czerkov-itogi-desyatiletiya.html>
- Mitrokhin, N. (2004) *Russkaya pravoslavnaya tserkov': sovremennoye sostoyaniye i aktual'nyye problem [Russian Orthodox Church: current state and topical problems]*. Moscow: NLO Publ. (In Russian).
- Mitrokhin, N. (2009) 'Russkaya pravoslavnaya tserkov' v Rossii v 2000–2008 godakh: ocherk nekotorykh strukturnykh problem [The Russian Orthodox Church in Russia in 2000–2008: an outline of some structural problems]', *Neprikosnovennyi zapas*, (1). (In Russian). <https://magazines.gorky.media/nz/2009/1/russkaya-pravoslavnaya-czerkov-v-rossii-v-2000-2008-godah-ocherk-nekotorykh-strukturnykh-problem.html>
- Mitrokhin, N. and Sibireva, O. (2007) 'Ne boysya, maloye stado!'. Ob otsenke chislennosti pravoslavnykh veruyushchikh na materiale polevykh issledovaniy v Ryazanskoy oblasti [Don't be afraid, little flock! On the assessment of the number of Orthodox believers on the basis of field research in the Ryazan region]', *Neprikosnovennyi zapas*, (1). (In Russian). <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/ne-bojsya-maloe-stado-ob-otsenke-chislennosti-pravoslavnykh-veruyushchikh-na-materiale-polevykh-issledovaniy-v-ryazanskoy-oblasti.html>
- Murashov, D. (2012) 'In anticipation of the "end of the world" [V ozhidanii «kontsa sveta»]', *Rodina*, (12), pp. 15–17. (In Russian).
- Panchenko, A. A. (2004) *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i tradicionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt [Christendom and Savings: Folklore and the Traditional Culture of Russian Mystical Sects]*. Moscow: O.G.I. Publ. (In Russian).
- Ryazanova, S. V. (2020) 'The Closed Religious Community: the Strategy of Forming and the Principles of Functioning', *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 8(2), pp. 86–100. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7306>
- Roy, O. (2001) *The Failure of Political Islam*. Cambridge: Harvard University Press.
- Ryazanova, S. (2019) 'Popular Theology in the God's family church: subjects, images, myths', *Technologos*, (1), pp. 85–100. (In Russian). <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.1.07>
- Ryazanova, S. (2021) 'Isolated communities as a phenomenon of contemporary religious life', *St.Tikhon's University Review*, (96), pp. 119–135. (In Russian). <https://doi.org/10.15382/sturl202196.119-135>
- Ryazanova, S. V. (2022) 'Talking to God: Religion, Para-Science and Disciplinary Practices as Consolidation Tools', *Changing Societies & Personalities*, 6(1), pp. 182–196. <https://doi.org/10.15826/csp.2022.6.1.169>
- Satlow, M. L. (2005) 'Disappearing categories: Using categories in the study of religion', *Method and Theory in the Study of Religion*, 17(4), pp. 287–298. <https://doi.org/10.1163/157006805774550947>
- Sibireva, O. (2010) 'Pravoslavnaya religioznost' v pozdnem SSSR. Primer Shatskogo rayona Ryazanskoy oblasti [Orthodox religiosity in the late USSR. An example of the Shatsky district of the Ryazan region]', *Neprikosnovennyi zapas*, (5). (In Russian). <http://intelros.ru/readroom/nz/nz-73-5-2010/7680-pravoslavnaya-religioznost-v-pozdnem-sssr-primer-shatskogo-rajona-ryazanskoy-oblasti.html>
- Silantiev, R. and Ragozin, Y. (2021) *Parapravoslavnyye sekty v sovremennoy Rossii [Para-Orthodox sects in modern Russia]*. Moscow: Snezhnyy kom Publ. (In Russian).
- Stump, R. W. (1986) 'Regional Variations in the Determinants of Religious Participation', *Review of Religious Research*, 27(3), pp. 208–225. <https://doi.org/10.2307/3511417>
- Titarenko, L. (2008) 'On the Shifting Nature of Religion during the Ongoing Post-Communist Transformation in Russia, Belarus and Ukraine', *Social Compass*, 55(2), pp. 237–254. <https://doi.org/10.1177/0037768607089743>

Информация об авторе

Светлана Владимировна Рязанова — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ПФИЦ УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, 614990, Пермь, ул. Ленина, зд. 13А (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Svetlana V. Ryazanova — Doctor of Philosophy, docent, Senior Researcher at PFR Center of Ural division of RAS, Institute for the Humanities of RAS, 13A, ul. Lenina, Perm', Russia, 614990 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 17.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.